

дчи?

ГИБСОН: Поначалу мы разговаривали. Обо всем и ни о чем. О погоде, о прочитанных книгах. Потом в ходе разговоров стали вырисовываться идеи, которые попадали в сценарий. Мы начали видеть отдельные сцены, искали точки пересечения одной сцены с другой. Словно собирали детский конструктор. Постепенно мы по-настоящему увлеклись. Через несколько недель уже разрабатывали отдельные сцены в лицах. Если бы кто-нибудь увидел нас в те моменты, наверняка решил бы, что у парней поехала крыша!

— Преследовала ли вас во время работы над сценарием какая-то навязчивая идея, которую вы смогли четко сформулировать и проанализировать только теперь, по окончании работы?

ГИБСОН: Анализировать? Я, знаете ли, только актер... Если серьезно, мне кажется, что и первая, и вторая, и третья идея нашего фильма — идея свободы. Сегодня мы воспринимаем свободу как право, данное всем от рождения, нам кажется, что иначе просто не бывает. Но ведь в прошлом люди рабы свободно работали в кино.

ГИБСОН: У меня все по-другому. Моей первой профессией было лицедейство, и мне повезло сниматься у великих постановщиков, таких, как Джордж Миллер и Питер Уир. Глядя на них, я научился восхищаться работой режиссера. Но снимать мне захотелось гораздо позже, когда я попал на съемочную площадку... нет, я лучше умоляю чью-то работу режиссера. Дело в том, что во время съемки у него я подумал — ну, ну же, у меня такой дурак, что не смогу сделать того, что делает он? (Смех). Любопытства ради решил попробовать и убедился, что действительно у меня получается по крайней мере не хуже. Разумеется, потом, как выяснилось, приходится долго потренироваться в монтажной, но результат оказался вполне приемлемым. (Смех).

— Начнем с этапа сценария. Как вы нашли проект фильма и как он изменился в ваших руках?

РЭДФОРД: Вначале был роман чилийского автора Антонио Скарметы "Тылок терпение", который чилийцы уже экранизировали в начале 80-х. Массимо Троици перекупил права, как только срок их действия истек. Хотя в результате фильм практически не имеет ничего общего с книгой. Поначалу мне казалось, что для итальянского фильма с итальянскими актерами лучше всего пригласить итальянского сценариста и автора диалогов. Я попросил Фурио Скарпелли написать киновариант книги и два месяца спустя он прислал мне сценарий. Это было... нет, у меня даже нет слов. Самый нигудышный сценарий на свете. То есть просто отвратительный. Полное непонимание того, что, собственно, мы от него хотели. Пришлось просто выбросить его опус в корзину и начинать с нуля. До сих пор не могу поверить, что такой знаменитый сценарист мог написать такую дрянь.

ГИБСОН: А может быть, это действительно не он? (Смех).

РЭДФОРД: Может быть. В конце концов, для Италии это не так уж и удивительно. (Смех). Так или иначе, после трех совершенно катастрофических версий я сказал Массимо: "Давай попробуем написать сами". Мы уединились в отеле "Шустер" в Санта-Монике и каждый день отправляли по факсу Ане Павиньяно, нашей координаторке, то, что у нас получилось, а она по мере поступления организовывала из этого сценарий. Тем не менее в титрах Почтальона" Скарпелли числится одним из авторов сценария, ибо итальянское законодательство по авторским правам таково, что достаточно оказаться в одной комнате с человеком, который делает скеропию сценария, чтобы заработать место в титрах! (Смех). Возможно, в титрах есть даже те, кто вообще не слышал о нашем фильме.

ГИБСОН: Моя первая встреча с "Храбрым сердцем" состоялась уже на стадии написанного сценария. Рэндал Уоллес сочинил его на основе отрывочных исторических данных и народных шотландских легенд об Уильяме Уоллесе. Он рассказывал мне, что поначалу его затронуло то, что этот легендарный герой — его однофамилец. Рэндал долго подбирал материалы о его удивительной и трагической судьбе. А потом начало работать воображение... Когда я прочитал его сценарий, первое, что себе сказал: "Нет. Это совершенно непохоже". Надо вам сказать, что в первоначальном варианте было в два раза больше сражений, в два раза больше интриг, в два раза больше всего. Мне казалось, что такой фильм сделать просто невозможно. Но сюжет прельдовал меня, я никак не мог выкинуть его из головы. Целый год колебался, потом позвонил сценаристу.

— Как вы работали на сценарной стадии?

ГИБСОН: У меня все по-другому. Моей первой профессией было лицедейство, и мне повезло сниматься у великих постановщиков, таких, как Джордж Миллер и Питер Уир. Глядя на них, я научился восхищаться работой режиссера. Но снимать мне захотелось гораздо позже, когда я попал на съемочную площадку... нет, я лучше умоляю чью-то работу режиссера. Дело в том, что во время съемки у него я подумал — ну, ну же, у меня такой дурак, что не смогу сделать того, что делает он? (Смех). Любопытства ради решил попробовать и убедился, что действительно у меня получается по крайней мере не хуже. Разумеется, потом, как выяснилось, приходится долго потренироваться в монтажной, но результат оказался вполне приемлемым. (Смех).

— Как проходила работа по подбору актеров на другие роли?

ГИБСОН: Подбор актеров — очень важный

момент. Наверное, это вообще самый главный момент в работе над фильмом.

Даже маленькая роль может утопить, или, наоборот, выманивать всю картину. Мы работали так: я приглашал актеров, разговаривал с каждым примерно по полчаса и пытался представить, на каких персонажах "ложится" их облик и темперамент. Например, когда появился Энзус МакФейден, я сразу же решил, что он идеален для роли Роберта Брюса. Энзус источник магнетизма, труднообъяснимую харизматичность и в то же время чувствительность, что он как бы немного не в своей тарелке, все время испытывает беспокойство, но совсем уверен в себе. Разговаривая с ним, я узнал причину: ему недавно стало известно, что он рос у приемных родителей. А что касается актера, который играет чуждого ирландца, то, как только он вошел, я сразу же увидел, что ему абсолютно на всех нас наплевать. Просто замечательное совпадение актера и персонажа! Ему было двадцать, Мел Гибсон перед ним, или английский королев! А потом мне сказали, что он единственный актер в мире, который был с позором изгнан из Королевского шекспировского театра. Вот так мы и подбирали исполнителей. Главное — приходится на встречу с актером без предвзятого мнения и помочь ему раскрыться.

РЭДФОРД: Думаю, секрет идеального

на персонажа романа, поэтому мы подогнали параметры роли под актера. То же самое было с исполнительницей женской роли. Поначалу я был в отчаянии, потому что все девушки, которые мне нравились, оказывались либо героинями рекламных роликов о достоинствах сплетки, либо порнозвездами. Либо, по словам Массимо, принадлежали не к тем политическим партиям. (Смех). Порой мне казалось, что я тону в ноевских и тонкостях культурных различий и акцентов. Покажите мне в Риме англичанку, заказывающую кофе, и по одной ее фразе я определю, кто она, откуда приехала, кто ее друг, где она покупает нижнее белье... Впрочем, я опять отвлекаюсь. (Смех). Когда появилась Мария Грация Кучинотта, мы с Массимо долго спорили относительно ее кандидатуры. Я говорил, что она не умеет играть, а Массимо уверял,

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

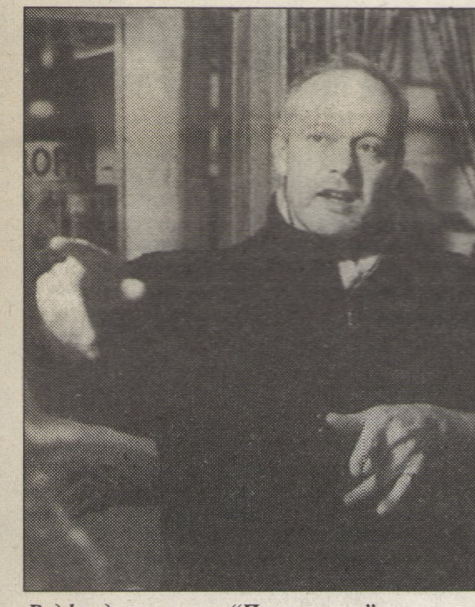
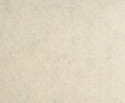
Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Гибсон на съемках "Храброго сердца"

Рэдфорд на съемках "Почтальона"

ли в этой роли только его, и были очень счастливы, когда он принял наше предложение. Честно говоря, у нас с Массимо с самого начала был договор: если Нуаре откажется, мы этот проект прикрываем. Но когда тот согласился, Массимо тоже не смог отказаться от фильма, хотя уже тогда очень плохо себя чувствовал.

— Вы не просите актеров почтитать отрывки из сценария, когда с ними беседуете?

ГИБСОН: Нет. По правде говоря, это мало что дает... если, конечно, вам не нужно проверить их грамотность. (Смех). Если моя карьера зависела от того, как я прочитал сцену на пробах, я бы ничего не добился.

РЭДФОРД: Полностью согласен. Многие актеры очень хороши на читках и совершенно нигудышны на съемках. И наоборот. Например, если вернуться к Ма-

рал свои сцены в одиночку, его собеседник, то есть Массимо, отсутствовал. В большинстве крупных планов Филиппа человек, который сидит напротив него, — дублер. Странное, скажу вам, было ощущение.

ГИБСОН: Проблемы на "Храброго сердца" были совершенно другие. Дело в том, что каждое утро у меня уходило два часа на то, чтобы приделать этот проклятый парик. Все это время я был прикован к креслу в гримерной и мог наблюдать за подготовкой съемок только по многочисленным видеомониторам. Помимо состояния Массимо, единственной настоящей проблемой с самого начала съемок стала итальянская привычка импровизировать на съемках. Массимо всегда так делал раньше, он вообще не понимал, как можно произносить заученный текст. Меня это бесило и я решил, что на нашей съемочной площадке этому не бывать. Я сказал ему: "Массимо, какого черта мы корпели над этим проклятым сценарием, часами искали нужные слова, спорили до хрипоты? Только для того, чтобы все это выкинуть в мусорную корзину?" Поначалу он сопротивлялся, но постепенно принял мой уставовку, и с этого момента все пошло гладко. Думаю, это был первый случай в его кинокарьере, когда он учил текст! Впрочем, время от времени он приходил ко мне и говорил: "Можно, я в этой сцене сымпровизирую, я придумал замечательный трюк. Ну, пожалуйста!" Чаще всего я ему разрешал. Например, это он придумал в послезвучную минуту вынуть из кармана маленький футбольный мяч в сцене, когда почтальон стоит Неруду написать ему на память стихотворение. Филипп был захвачен совершенно врасплох и на пленке это получилось великолепно.

— Чисто технический вопрос: как вы выбираете место, куда поставить камеру?

ГИБСОН: О, это очень просто: вы ставите сцену, а потом ждете, куда пристро-

итесь девушка с злопущикой, потому что она всегда находит самый удобный угол зрения. (Смех). Поэтому как только она усядется, вы немедленно ее снимаете и ставите туда оборудование.

РЭДФОРД: И разумеется, она тут же находит еще более удачное место! (Смех).

— Есть ли у вас секрет или какой-то особый метод, который не известен другим режиссерам?

РЭДФОРД: Я целиком снял "Почтальона" "ручной камерой, что случается нечасто. Причин две. Первое — мне кажется, что такая съемка придает более сиюминутный облик изобразительному строю фильма. Второе — мне хотелось, чтобы оператор мог мгновенно корректировать движения, если на площадке рождалось нечто необычное и не предусмотренное сценарием.

ГИБСОН: Вообще-то единственный секрет, который я знаю, мне рассказал Питер Уир. Начет того, как сделать интересной сцену, которая, как говорится, "не срывается". Его метод состоит в том, чтобы сыграть ее в два раза быстрее, чем она изначально планировалась. Знаю, это может показаться странным, но, кланусь, это действительно помогает.

— Всегда ли вы во время съемок точно знаете, чего хотите, или случайно тоже играет свою роль?

РЭДФОРД: Случайность во время съемки неизбежна, а потому приветствуется. Часто случается, что я снимаю кадры, в которых не совсем уверен, и потом, во время монтажа, осознаю, что они — одни из лучших в фильме. И наоборот, у меня случалось так, что я часами выверял тот или иной кадр, а при монтаже был вынужден его выбросить.

ГИБСОН: Полностью согласен. Хочу только добавить, что стресс, как ни странно, тоже может сыграть положительную роль. Во время работы над крупнобюджетным фильмом давление на режиссера огромно, время течет в несколько раз быстрее, чем обычно, и, как мне кажется, это даже хорошо. В стрессовой ситуации принимаются самые интересные и рискованные решения. Многие жалуются на напряжение, но искусство и напряжение неразделимы.

— Переходим к монтажу. Как вы работали в постпродакшн?

ГИБСОН: Разумеется, как и в случае с остальными помощниками, я старался подобрать монтажера, который бы подошел под стиль фильма. В данном случае я выбрал Стивена Розенблома, потому что именно он монтировал "Славу" и я знал, что сцену биты он сделает великолепно. Но большинство монтажеров предпочитают работать в одиночестве, а я по натуре таков, что не могу не заглядывать через плечо. Разумеется, это осложняет сотрудничество, тем более что Стив — сильная личность и очень резко высказывается о том, что получается, а что нет. Для того, чтобы наши дискуссии не переросли в рукоприкладство, мы приобрели по маршнкету, с которыми не расставались во время работы. Я держал при себе маршкет, а Стив, поскольку он еврей — раввина. И каждый раз, когда начинала кипеть страсти, мы кололись маршнкетом друг о друга. Нам сразу же становилось неудобно, потом мы начинали хихикать... в общем, очень быстро остывали.

РЭДФОРД: Я более пассивен во время монтажа. Вся работа я доверяю монтажю, а сам смотрю только конечный результат. Моя точка зрения на этой стадии такова: нужно не следить, чтобы тебе монтировали тот фильм, что ты задумал, а смотреть, нет ли других путей, которые окажутся лучше твоего. Результаты порой могут оказаться очень интересными. Иногда сцены, которые я снимаю в начале, оказываются в конце, и наоборот.

— Какой аспект постпродакшн вы считаете самым деликатным и самым трудным?

ГИБСОН: Музыка, вне всякого сомнения.

РЭДФОРД: Да, конечно. Наверное, потому что это единственный элемент фильма, который практически невозможно сделать самостоятельно и где ты полностью зависишь от кого-то еще.

ГИБСОН: Самое ужасное, что приходится до последнего момента ждать, что получится у композитора. Джеймс Хорнер отказывался показывать мне свои наброски вплоть до того дня, когда он записывал музыкальное сопровождение в студии звукозаписи. До этого он только мурлыкал под нос какие-то отрывки, когда я спрашивал, что у него выходит. А потом собрал Лондонский симфонический оркестр и как грянул! И я понял, что это как раз то, что нам нужно.

РЭДФОРД: Вначале музыку к "Почтальону" должен был писать Эннио Морриконе. Он пригласил нас к себе, сел за фортепиано и начал импровизировать различные мелодии, но каждый раз это были величественные магистральные темы. Я пытался объяснить ему, что нашему фильму нужно что-нибудь поскромнее, но он очень болезненно это воспринял. Он сказал: "Я не умею сочинять "скромную" музыку!" Нам пришлось искать другого композитора, и в конце концов мы пригласили совершенно не известного автора, Луиса Энрике Баклова, который сделал очень хорошее музыкальное сопровождение.

— Последний вопрос на закуску: что вам больше всего нравится в ремесле режиссера, и что больше всего не нравится?

ГИБСОН: Самое тяжелое, конечно же, постоянная фрустрация. У меня были моменты, когда я настолько в себя не верил, что мне хотелось повеситься! (Смех). В то же время режиссура доставляла мне моменты такого счастья, какого я никогда не испытывал от актерской игры.

РЭДФОРД: С моей стороны, я всегда полагаю, что самое прекрасное в режиссуре — придумать идею фильма и мечтать об "Оскар". Все остальное чертовски тягостно! (Смех)

ЛОС-АНДЖЕЛЕС.